

СТАНОВЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ЭТНОСЫ

А.А. Знаменский, С.П. Тюхтенева

Алтайская этничность, сибирское областничество и становление советской Ойротской автономии¹

Andrei A. Znamenski, Svetlana P. Tyukhteneva

Altaiian Ethnicity, Siberian Regionalism and the Formation of Soviet Oirot Autonomy

В статье анализируется проблема становления национализма у коренного населения Горного Алтая и формирования алтайской этничности начиная с позднеимперского периода и вплоть до начала советского национально-государственного строительства. Данная проблема рассматривается в контексте становления национальной интеллигенции Алтая, а также столкновения культуры алтайцев-кочевников с земледельческой культурой русских крестьян, а затем и в соприкосновении традиционной культуры алтайцев с советским проектом национального строительства. Новизна данного исследования заключается в выделении трех причин, которые привели к становлению этнического самосознания алтайцев: во-первых, это была культурная деятельность сибирских областников, способствовавших формированию коренной алтайской интеллигенции, представители которой стали лидерами национального движения и продвижения утопического проекта «республики Ойрот». Во-вторых, важную роль сыграло низовое мессианское движение *Белая вера* (Бурханизм), возникшее снизу в массах в ответ на такой цивилизационный вызов, как освоение алтайских земель земледельцами из европейской части России. В-третьих, благоприятную почву для роста этнической самобытности алтайцев и попыток реализации утопии под названием «республика Ойрот» создали крах российской империи, усилившиеся в связи с этим центробежные тенденции и последовавшее за этим создание советского государства, национальная политика которого основывалась на принципе национально-территориального деления и предполагала создание национальных автономий. В статье отмечается, что алтайские автономисты (1917–1919 гг.), а затем алтайские коммунисты (1919–1923 гг.), основываясь, с одной стороны, на идеях сибирских областников, с другой – на идеях мессианского движения

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 22-28-01767, <https://rscf.ru/project/22-28-01767/>. Руководитель гранта – доктор философских наук, профессор Л.Б. Четырова, Самарский национальный исследовательский университет.

Белой веры, выдвинули проект наднациональной Ойротской республики, которая своими границами частично совпадала с исторической Джунгарией. Данный утопический проект вначале получил поддержку со стороны советского руководства, но затем был отвергнут, а его создатели репрессированы.

Ключевые слова: алтайский национализм, пророческое движение, Белая вера, Джунгария, областничество, автономия, этничность, Потанин, алтайская интеллигенция.

This paper analyzes the emergence of ethnicity and nationalism among the indigenous people of the Altai Mountains in the late imperial and the early Soviet period. It is argued that the emergence of ethnic self-awareness of Altai people and the growth of nationalism among them originated from the following sources. First, it was the activities of Siberian regionalists (*oblastniki*) who heavily contributed to the formation of the indigenous Altai intelligentsia; the latter became the spearhead of the ethnic awareness among the Altaians. The second factor was the prophetic movement *White Faith* (Burkhanism), which arose among the native grassroots in response to the civilizational challenge – the advance of non-indigenous peasant settlers onto the Altaian lands in the late imperial period. Third, the disintegration and eventual collapse of the Russian empire in 1917 along with the emergence of the Soviet state, whose nationalities policy was based on the principle of a national-territorial autonomy, created a fertile ground for various utopian projects that focused on the creation of supranational “Oirot” autonomy that was expected to match the borders of historical Dzungaria. The Bolshevik authorities eventually rejected that project, limiting the newly created Oirot Autonomous Province (1922) by the borders of the Mountain Altai.

Keywords: Altai nationalism, prophetic movement, White Faith, Dzungaria, regionalism, autonomy, ethnicity, Potanin, Altai intelligentsia.

Введение

Статья посвящена проблеме формирования этничности и национального сознания у коренного населения Горного Алтая в переломный момент распада Российской империи и становления советской власти. Горный Алтай долгое время служил буферной зоной между Российской империей и западными монголо-китайскими владениями. После гибели Джунгарского (Ойротского) ханства в 1756 г. подвластные ей алтайские кланы вместе с частью джунгарской элиты обратились с просьбой о вхождении в Российскую империю. В социальном плане к концу XIX в. коренное общество Горного Алтая представляло собой совокупность кочевых стойбищ (аилов), включавших представителей различных родов-сеоков. С религиозной точки зрения среди них были приверженцы шаманизма и тибетского буддизма традиции гелуг, который был принят ойротскими правителями с 1616 г.

Алтайцы в тот период занимали достаточно обширную территорию, которая была определена российскими властями как «калмыцкие кочевья». После отмены крепостного права нехватка земли у крестьянства в европейской части империи побудила правительство разрешить в 1880-х гг. массовое заселение южной Сибири в целом и Алтая в частности. Начавшаяся ми-

грация поселенцев стала вызовом коренному населению региона. Переселенческий поток достиг пика в период голода, охватившего европейскую часть России в 1891–1892 гг. Коренное население Алтая, численность которого на тот момент не превышала 26 тысяч человек, почувствовало угрозу своему традиционному образу жизни. На этом фоне началась консолидация алтайских родов-сеоков, что в итоге привело к появлению среди них стремления к этническому объединению [23].

На становление этнического самосознания и связанного с этим роста национальной консолидации в Горном Алтае определяющее влияние оказали следующие три условия: во-первых, этот процесс проходил через вовлечение коренной алтайской интеллигенции в интеллектуальную культуру сибирского областничества. На этот момент впервые обратили внимание в своих работах А.А. Знаменский и Д.А. Михайлов [12], [30]. Между 1900 и 1920 гг. образованные алтайцы участвовали в сборе и публикациях алтайского этнографического материала и фольклора, помогая своим коллегам-областникам русского происхождения и участвуя тем самым в «конструировании» своей этнической культуры. Необходимо напомнить, что сибирское областничество было культурным движением среди местной сибирской интеллигенции, стремившейся повысить статус и значимость Сибири в составе Российской империи [2], [28]. Важной частью его программы были сбор и популяризация фольклора и культуры коренных народов [8], [18].

Во-вторых, этническое самосознание алтайцев развивалось в контексте массового мессианского движения под названием Ак-янг (Белая, молочная или чистая вера в переводе с алтайского), ранее известного в научной литературе под названием Бурханизм [5], [27], [31], [32]. Данное этнорелигиозное движение, стихийно возникшее в Горном Алтае в 1904 г., поднималось над родовой организацией алтайского общества и в своей основе опиралось на тибетский буддизм [6], являвшийся господствующей религией в соседней Монголии.

Столкновение кочевой и земледельческой культуры поселенцев из европейской части России на Алтае привело к появлению мессианских настроений среди алтайских этнических групп и вылилось в появление пророческого религиозного движения. Странники Ак-янг ожидали чудесного явления Ойротхана, который спасет их образ жизни и земли. Участники «Белой веры» подвергали атакам традиционный шаманизм, одновременно ассимилируя многие его элементы в свои практики. Они также «вспоминали» о своем столетнем пребывании в составе Джунгарии и всячески идеализировали эту кочевую империю, призывая к восстановлению древнего наследия «народа Ойрота».

Причем влияние «Белой веры», которое стремительно стало набирать силу после первой российской революции 1905 г., достигло большого размаха после революции 1917 г., в ходе которой Российская империя утратила влияние на свои окраины и распалась. Не завязанная на духовный пантеон

отдельных родов-сеоков, «Белая вера» посеяла семена общеалтайской этничности на территорию Горного Алтая. Все это было взято на вооружение коренной алтайской интеллигенцией, которая, при поддержке сибирского областничества, стала использовать ойротский мессианизм как матрицу для создания проектов алтайской автономии. Третьим фактором, обеспечившим благодатную среду для формирования алтайской этничности и стремления к автономии, стала вышеуказанная дезинтеграция Российской империи.

Начиная с 1919 г. формирование алтайской этничности осуществлялось уже в рамках советского государства. Советское национально-государственное строительство в Горном Алтае привело к созданию Ойротской автономной области в 1922 г.

Влияние сибирских областников на формирование алтайской интеллигенции

К 1880-м гг. сибирские областники во главе с их духовным лидером Григорием Потаниным (1835–1920), убедились, что культура и фольклор коренных народов представляют собой полезный ресурс для обоснования тезиса о том, что культурное наследие Сибири самоценно и ничем не хуже наследия европейской части империи. Более того, как недвусмысленно намекал сам Потанин, это наследие в чем-то было даже древнее; подобный ход мысли натолкнул Потанина на создание так называемой «восточной гипотезы», которая проводила мысль о том, что корни восточноевропейской и библейской мифологии и даже сама идея Христа зародились в незапамятные времена среди тюрско-монгольских кочевых народов южной Сибири и внутренней Азии [30, с. 150–152]. Необходимо подчеркнуть, что подобное «удревнение» своей территории или своего народа являлось и является естественной частью многих автономистских, этнических и национальных проектов. В случае сибирских областников идеализация русских сибирских поселенцев как мужественных, свободных духом людей, носителей демократических и, в отличие от европейской России, антикрепостнических ценностей, была важной частью деятельности Г. Потанина, Н. Ядринцева и их товарищей. Но всего этого было явно недостаточно для реализации целей областничества. Будучи пришлой культурой, наследия поселенцев было явно «недостаточно», чтобы быть использованным для конструирования «древней» и «подлинной» идентичности сибиряков. Этим, на наш взгляд, объясняется интерес самого Потанина к сибирским инородцам и, в частности, его частые экспедиции к алтайцам.

И.Л. Зубашев [7, с. 62], один из близких коллег Потанина, который впоследствии был вынужден бежать в Чехословакию, вспоминал: «Сибирская русская деревня останавливала на себе меньше внимания Гр. Ник. (Потанина),

но инородческая Сибирь была предметом особенно нежных чувств. В то время, когда он был еще в состоянии свободно передвигаться, он каждое лето уезжал на Алтай, где жил среди инородцев, изучая их фольклор, содействуя возникновению там культурных начинаний (открытию школ и т.п.). Он любил Алтай и его обитателей и с такой любовью и увлечением рассказывал о красочности Алтая, что мне всегда думалось: много бы потерял Алтай в своей прелести для Гр. Ник., если бы по мановению какого-нибудь волшебного жезла Алтай вдруг превратился бы в культурный край и его обитатели потеряли бы свой первобытный облик, как того искренне желал Гр. Ник». Об этом же косвенно свидетельствует литературовед Н.М. Мендельсон, который подчеркивал, что «при огромном интересе Потанина к азиатскому Востоку, живые его представители, сибирские инородцы, были предметом постоянных дум, бесед и писаний его» [1, с. 108]. Потанину, Ядринцеву, Андрею Анохину и другим областникам в их работе помогали несколько представителей формирующейся алтайской интеллигенции, собирая фольклор, записывая рассказы шаманов и организуя этнографические и художественные выставки. Благоприятный климат и живописные ландшафты Горного Алтая благоприятствовали тому, что он стал излюбленным местом путешествий и отдыха областников.

Будет уместно подчеркнуть, что и для Потанина, и для Ядринцева, еще одного видного областника, инородческий Алтай со всеми его природными богатствами и древностями представлялся в виде жемчужины Сибири. В их путевых заметках этот край изображался как «Сибирская Швейцария» с великолепными пейзажами, свежим воздухом и кристально чистой водой [13, с. 183–184], [29]. Это представление об Алтае как об уникальном и таинственном природном заповеднике представители алтайской интеллигенции позже трансформировали в образ благословенного и духовно богатого края, который они называли *Хан-Алтай*. Для Григория Гуркина (Чорос-Гуркин) (1870–1937), алтайского художника, одного из лидеров движения за алтайскую автономию в 1917–1919 гг., идеализация и одухотворение алтайских пейзажей стали знаковым стилем всего его творчества.

В одном из своих писем Потанину Гуркин прямо подчеркивал: «Ваше дело это и мое дело, и я всегда слушаю Вашего совета» [19, с. 61]. С помощью областников Гуркин не только получил известность как выдающийся сибирский пейзажист, но и смог по-новому взглянуть на наследие своего народа. В конечном счете Гуркин стал одним из инициаторов этнического возрождения алтайцев и лидером утопического проекта «республики Ойрот». Как Гуркин сам подчеркивал впоследствии, в 1917 г. он работал над тем, чтобы создать среди алтайцев общий «национальный культ из языческого прошлого, когда человек был свободен и поклонялся только невидимым силам природы» [3, л. 14 об.].

Скептическое отношение областников к Русской православной церкви, а также их симпатии к религиям коренных народов в значительной степени способствовали духовному преобразению местной интеллигенции, формирование которой изначально происходило в православных семинариях и миссионерских школах. Под влиянием областников многие из алтайских интеллектуалов начали отказываться от православного вероучения, которое они усвоили в юности и которое позже стало ассоциироваться у них с колонизаторской политикой империи. На смену ему пришел зарождающийся с/ветский национализм с идеализированными элементами традиционной духовности и народного социализма.

Примером такой трансформации мышления может служить Георгий Токмашев (1892–1960), алтаец, получивший миссионерское образование и позднее ставший одним из организаторов алтайской автономии 1917 г. [1]. Пребывание в среде сибирских областников способствовало росту его культурного, политического и этнического самосознания, особенно в период с 1911 по 1917 г. После встречи с этно-музыковедом Анохиным (1869–1931), который ввел его в кружок Потанина, Токмашев стал рассматривать свое прежнее образование в церковно-приходской школе и Томской духовной семинарии в негативном свете, как русификацию и угнетение. Это новое осознание, по его словам, взрастило в нем национальные чувства. С 1916 по 1919 гг. он тесно сотрудничал с Анохиным, записывая эпические сказания и песенное творчество алтайцев. Позднее, во время первой волны сталинского террора против национальной интеллигенции (1934 г), уже находясь в застенках НКВД, Токмашев утверждал, что покойный к тому времени этномузыковед зародил в нем националистические настроения, говоря об угнетении алтайцев русскими и одновременно прославляя Алтай с его первобытным укладом жизни [11, л. 48].

Конечно, к показаниям, которые давал Токмашев в 1934 г., нужно относиться осторожно и даже скептически. По понятной причине он преуменьшил свою собственную роль в национальном возрождении алтайцев и, отвечая, видимо, на давление следователя, которому в рамках срежиссированного дела «Союз сибирских тюрок» была поставлена задача выявить «буржуазно-националистические элементы» [14], возложил всю ответственность за «национализм» на покойного Анохина. Тем не менее даже эти показания свидетельствуют об интеллектуальном влиянии сибирских областников на умонастроения алтайской интеллигенции. Обобщая последствия воздействия на него идей областников, Токмашев заключил: «Воспитываясь политически в этой среде, я безусловно и не мог быть никем иным, как эсером-народником, причем особого азиатского направления, так как все эти люди изучали Алтай и много говорили о нем, о его бедном народе, который спаивается русскими людьми» [11, л. 48].

От пророчества Ойрота до Республики Каракорум

Одновременно с деятельностью алтайской интеллигенции и ее соратников-областников на низовом уровне проявлялись этнообъединительные тенденции в форме религиозного возрождения Ак-янг «Белая вера». Кстати, некоторые активисты и лидеры этого движения (А. Кульджин, К. Танашев) также работали с сибирскими областниками и коренной интеллигенцией над проектами по сбору фольклора и, после 1917 г., над формированием алтайской автономии.

Ак-янг реформировал шаманизм с его политеизмом, создавая монотеистическое верование, главной фигурой которого стал легендарный собирательный образ хана-искупителя Ойрота, прообразом которого служил Амурсана, один из последних правителей Джунгарии. Ойрот олицетворял идеализированную Джунгарию, частью которой некогда были алтайцы. Ойротская народная утопия была реакцией на тревогу и неуверенность, вызванные давлением имперской колонизации, деятельностью православной миссии и попытками царского правительства разрушить традиционное алтайское самоуправление. Народ верил, что легендарный спаситель вернет золотое «ойротское время» и избавит их от вышеуказанных проблем [27], [31].

Развернувшееся пророческое движение породило богатый фольклорный материал: десятки низовых проповедников «Белой веры» ездили по кочевым стойбищам, пели песни, распространяли сказания о славном легендарном искупителе, который должен был спасти своих «алтайских подданных» независимо от их родовой принадлежности. После 1917 г., в ситуации хаоса и вакуума власти, формирующаяся алтайская интеллигенция не могла обойти стороной столь мощный ресурс зарождающейся этничности.

Алтайская интеллигенция начала перерабатывать и секуляризировать пророчество Ойрота уже в 1910-х гг. Этим, например, занимался выпускник катехизаторской школы, псаломщик Михаил Чевалков, родственник знаменитого основателя алтайской литературы – миссионера М.В. Чевалкова (1817–1901). По просьбе преосвященного о. Константина Соколова Чевалков-младший написал исторический очерк об Алтае. В отличие от обычного скучного миссионерского отчета, этот текст представлял собой краткую идеализированную историю Горного Алтая в изложении образованного алтайца, который уже мыслил в этнических и территориальных категориях. Чевалков начал свое повествование с описания того, как казаки, которых он называл безжалостной шайкой разбойников, завоевали и разграбили процветающее Сибирское ханство: «русский разбойник по прозвищу Ермак Тимофеевич отправился со своей шайкой разбойников ко границам Сибири с целью покорить этот край» [25, л. 11]. В его идеалистическом представлении Алтай, являвшийся одним из последних осколков славной монгольской

империи, смог некоторое время просуществовать как свободный остров, населенный мирными кочевниками-скотоводами. Алтайцам пришлось выдерживать нападения могущественных врагов: Российской империи, которая нависала над Алтаем с севера, и неназванного азиатского соседа (Маньчжурская империя), который разорял кочевые лагеря с юга. Чевалков подчеркнул, что в какой-то момент перед алтайцами встала дилемма: какой могущественной империи подчиниться, чтобы избежать полного уничтожения.

Примечательно, что он полностью обошел вниманием тот факт, что алтайцы были частью исторической Джунгарии (или «страны Ойрота» по выражению стронников «Белой веры»), которую идеализировало вышеуказанное мессианское народное пророчество. Вместо этого Чевалков пишет о мифологическом хане Ойроте так, как будто он был реальным историческим персонажем. Более того, по мнению Чевалкова, этот хан побудил алтайцев стать подданными Российской империи, поскольку там они будут жить в безопасности вдали от «азиатской произвольности» [25, л. 12]. Тем не менее Чевалков тут же подчеркнул, что «в политическом отношении они сделали роковую ошибку» [25, л. 12]. Примечательно, что, передавая одно из народных сказаний о хане-спасителе Ойроте, Чевалков отметил, что сам Ойрот не последовал за своим народом в русские владения. Вместо этого, униженный трагическим пророссийским выбором, который ему самому пришлось сделать, Ойрот удалился на юг, в Монголию [25, л. 12].

Повторяя романтические повествования областников об Алтае [29], Чевалков называл его «Сибирской Швейцарией», безудержно прославляя его ландшафты, климат и природные богатства. Интересно, что длинный список природных богатств Алтая (золото, серебро, различные полудрагоценные камни, уголь, орехи и древесина) не был просто сухим статистическим перечислением. Стараниями молодого псаломщика этот простой перечень приобрел поэтическую окраску: «меха, масло, мед, волос, орех, там лошади, лошади легки как птицы, быстры как ветер. О, да там бесчисленные богатства!» [25, л. 13].

Более того, чтобы подчеркнуть священную и древнюю природу своей алтайской родины, Чевалков прибегал к библейским метафорам, сравнивая ее с землей обетованной древних евреев: «Край этот ничуть не хуже той обетованной земли, которую некогда обетовал Бог народу еврейскому!» [25, л. 13]. Тем не менее Чевалков завершил свой романтический очерк-отчет обязательным признанием заслуг русской православной миссии, которая цивилизовала «дикий Алтай», подчеркивая вместе с тем, что русские получили все алтайские богатства бесплатно. Более того, не скрывая свои зарождающиеся социалистические наклонности (впоследствии Чевалков, как и Гуркин, солидаризировался с эсерами-областниками), он упрекал русскую буржуазию в том, что она пополняет свою казну алтайским золотом [25, л. 16].

Политический хаос и центробежные тенденции в приграничных районах, последовавшие за распадом Российской империи в 1917 г., стали благодатной почвой для инациональных идей Чевалкова, Гуркина и Токмашева. К 1918 г. в Сибири областники из окружения Потанина, многие из которых были членами партии социалистов-революционеров (эсеров), создали Временное Сибирское правительство. Это правительство было готово удовлетворить просьбы коренного населения об автономии. Помогло и то, что такие лидеры сибирских эсеров, как М.Б. Шатилов (1882–1937) и Василий Анучин (1875–1943), были одновременно выдающимися этнографами. Летом 1917 г. Гуркин, Потанин и Шатилов (последний стал ответственным за дела национальностей в новом правительстве) инициировали создание Алтайской горной думы, аморфной административной структуры, целью которой была организация самоуправления для коренного населения Горного Алтая [31, с. 44], [26, с. 10–11].

Как и большинство политических сил в России (от кадетов до большевиков), выступивших против царского режима в 1917 г., Гуркин, Потанин, Шатилов и их единомышленники разделяли идеи социализма. Они понимали его как местное самоуправление, основанное на отношениях коллективной собственности. Отсюда и решение Горной думы о передаче земли в общинную собственность. В состав Алтайской думы вошел один из лидеров сибирских областников Шатилов, который специально приехал в Горный Алтай, чтобы лично участвовать в первом собрании думы. Алтайскую интеллигенцию представляли Гуркин, Н.Я. Никифоров (1874–1922), Токмашев, Леонид Сары-Сеп Конзычаков, С.С. Борисов (бывший миссионер из коренного населения, оставивший свое призвание) и два видных деятеля Белой веры Аргымай Кульджин и Кондратий Танашев. Причем признанного патриарха сибирских областников Потанина выбрали почетным членом Горной думы [22], [23, л. 55].

После падения Временного правительства и взятия власти большевиками, Горная Дума приняла решение о национальном самоопределении коренного населения Алтая. Весной 1918 г., на специальном заседании Дума утвердила Каракорум-алтайскую окружную управу во главе с Гуркиным. В обиходе эта автономия стала известна, как Каракорум (Черные камни) – метафорическая отсылка к легендарной столице империи Чингисхана. Каракорумская автономия тем не менее рассматривалась как временная структура, которая в итоге должна была привести к созданию великой «Республики Ойрот» в границах прежнего Джунгарского ханства – территории Алтая, Тувы и Западной Монголии. Однако, опасаясь возможных репрессий со стороны как большевиков, так и белых, алтайские автономисты решили умерить свои грандиозные планы, сузив до поры до времени границы «республики» до размеров Горного Алтая.

Тем не менее Горный Алтай вскоре стал полем боя между большевиками и белогвардейцами, и лидерам Каракорума пришлось отчаянно маневрировать между красными и белыми, чем они только навлекали на себя враждебность обеих сторон. Примечательно, что еще до прихода большевиков на Алтай, белогвардейское правительство Колчака успело арестовать Гуркина и аннулировать алтайскую автономию.

Ойротская автономная область, 1922 год

После поражения белогвардейцев в Сибири в 1919 г. советская власть также упразднила Каракорум, временно лишив Горный Алтай всякой автономии. Причем часть коренного населения, истощенная войной и продовольственными реквизициями красных, ушла на юг за российскую границу в Монголию. В отличие от белых, которые сражались за «единую и неделимую Россию», советская власть была очень обеспокоена тем, что гражданская война на Алтае в конечном счете приняла форму борьбы русских поселенцев против инородцев, что негативно влияло на престиж большевиков в глазах азиатских соседей – Монголии и Китая.

Нужно подчеркнуть, что ранний большевизм серьезно рассматривал освобождение коренных народов бывшей империи как часть своего международного плана освобождения угнетенных этнических меньшинств, что по мысли советских идеологов должно было способствовать продвижению дела социализма. По этой причине центральные органы советской власти, например, оказывали давление на местную сибирскую советскую администрацию, враждебно настроенную к автономии алтайцев. Среди различных позитивных мер, которые должны были умиротворить коренных жителей приграничных районов Алтая, Наркомнац частично вернул к жизни областнический проект «Ойротской республики». Реализация этого обновленного проекта легла на плечи Конзычакова. Как и остальные представители алтайской интеллигенции, он получил образование в православной миссионерской школе, после окончания которой стал работать учителем. В 1917 г. Конзычаков поступил на службу мелким чиновником в Горную думу, а в 1920 г., покинув тонущий корабль каракорумской автономии, уже вступил в партию большевиков.

Конзычаков стал главой отдела по делам национальностей всей Алтайской области (губернии), включавшей северный (русский) и южный (горный) Алтай, где половину населения составляли коренные жители. Первые алтайские коммунисты имели такое же миссионерское образование, как Гуркин, Токмашев, Никифоров и другие представители каракорумской интеллигенции. Однако, в отличие от каракорумских лидеров, которые всегда настороженно относились к большевикам, такие люди, как Конзычаков,

с готовностью присоединились к советскому проекту, образовав группу алтайских коммунистов. Однако, несмотря на их тягу к социализму, они оставались верными приверженцами этнических устремлений своих народов, что создавало для них ситуацию экзистенциального выбора. Подобные этнонациональные настроения, естественно, вступали в конфликт с интернационалистскими установками раннего большевизма. Хорошей иллюстрацией такого конфликта может служить письмо, которое Н.Ф. Меджит-Иванов (1882–1937), первый председатель Ойротского облисполкома, написал своему коллеге по партии И. Алагызову: «Свои чувства привязанности к Горному Алтаю я рассматриваю как болезненные чувства, для коммуниста должна быть родиной вся земля. Для борца за пролетарскую идею, родной землей должна быть та земля, где цепи гнета еще не разбиты. Но ведь я дважды родился в Горном Алтае – физически, от матери, и революция родила и учила меня. Плохо ли, хорошо ли то, что я так люблю Алтай, но я, по-видимому, останусь неизлечимым до конца» [11, л. 1].

Конзычаков, близкий друг и заместитель Меджит-Иванова, был назначен специальным представителем алтайского народа в центральном бюро Наркомнаца в Москве в 1921 г. Получив задание разработать проект будущей алтайской автономии, он изложил его в «ойротско-джунгарских» понятиях. Так, приводя аргументы в пользу автономии алтайцев при советской власти, Конзычаков стремился раздвинуть границы Горного Алтая, включая в него окружающие территории, заселенными с другими тюркоязычными народами: «В настоящее время ойраты принадлежат к разным государствам, но внутренняя связь между ними сохранилась до сих пор. И это вполне естественно – и Алтай, и Джунгария, и Урянхай населены тюрками, говорящими на одном и том же языке, имеющими одинаковые обычаи, права и религию, говоря вообще – одинаковую культуру. Они не знают государственных границ, не желают с ними считаться и до сих пор, можно сказать, живут в двойном подданстве» [8, л. 2]. Интересно, что в тексте своей утопической программы о предполагаемой алтайской автономии Конзычаков ни разу не употребил слово «алтайцы», предпочитая вместо него такие понятия, как «ойрот» и даже «ойрот-хакасы». Последнее было попыткой расширить границы будущей автономии путем смешения алтайских «ойротов» с хакасами, отдельной тюркоязычной группой, которая номинально тоже была частью исторического «ойротского» государства Джунгарии.

В то же время, в отличие от лидеров Каракорума, которые сосредоточили свои мечты исключительно на восстановлении «ойротского» государства в пределах Джунгарского царства XVII–XVIII вв., Конзычаков усилил свой проект автономии, апеллируя не только к историческому наследию Джунгарии, но и, что самое важное, к «народно-освободительному» ойротскому пророчеству движения «Белой веры». Это была явная попытка подогнать местные духовные настроения под требование центральных органов совет-

ской власти прислушаться к голосу масс. Конзычаков подчеркивал, что среди его необразованных соплеменников идея социального и национального освобождения тесно связана с такими символами, как «Ойрот» и «Хан Ойрот». Поскольку «Белая вера» представляла собой единственное знаковое общественное движение «алтайских масс», то мифологию Ойрота вполне можно было квалифицировать как стихийное национально-освободительное движение, что укладывалось в рамки большевистской идеологии.

Более того, Конзычаков в официальном меморандуме Наркомнацу о создании «Ойротской республики» опирался на народную пророческую эсхатологию: «Освобождение ойротов от гнета произойдет тогда, когда с горы Белухи свалится ледник. Нынешним летом, – заявлял автор проекта, – как нарочно, таковой сдвиг ледника произошел... С этим явлением, согласно преданию, должно произойти освобождение и возрождение Ойротского государства... Вопрос стоит ясно. Население хочет избавиться от напастей и смерти, а по народному преданию это возможно только при возрождении Ойрота» [8, л. 33].

Подчеркивая то, что алтайцы придают легендам и сказаниям пророческое значение, и сравнивая умонастроения коренных жителей с мессианскими чаяниями древних евреев и ранних христиан, Конзычаков пришел к выводу, что советской власти следовало бы принять во внимание это пророчество, отражающее настроения низов. В ноябре 1921 г., стремясь преодолеть сопротивление сибирских коммунистов своему проекту, Конзычаков написал письмо Сталину, тогдашнему главе Наркомнаца, с просьбой о личной поддержке Ойротской республиканской автономии, в которую вошли бы все тюркоязычные народы Сибири. Сталин, кстати, полностью одобрил его проект. Однако, несмотря на эту поддержку, границы предлагаемой Ойротской республики, выходящие за пределы Горного Алтая и охватывающие большую территорию юго-западной Сибири, населенную массой некоренных народов, которые составляли там большинство населения, вызвали активные возражения нескольких членов ЦК компартии. Следует также добавить, что в самом Горном Алтае алтайцы составляли менее половины населения.

В результате к весне 1922 г. проект Конзычакова был пересмотрен и урезан. Сначала Ойротская республика была сокращена до уровня провинции, которая должна была включать только алтайцев и хакасов – Ойротско-хакасская область. Наконец, летом 1922 г. большевистское правительство еще более сузило этот проект и в итоге приняло решение создать Ойротскую автономную область (ОАО), которая по территории примерно соответствовала границам упраздненного Каракорум-Алтайского округа, созданного Гуркиным, Шатиловым, Анучиным и другими областниками в 1917 г.

Некоторые проповедники Белой веры даже пытались приспособить свое вероучение и его богатый фольклор к новому большевистскому режиму. Например, Кульджин, один из активистов Каракорума и Белой веры, полагал, что Ленин и есть «Ойрот всех угнетенных». В беседе с этнографом Данилиным Кульджин подчеркнул, что между эсхатологией советской и «Белой веры» на самом деле нет противоречия, поскольку ожидаемый хан-освободитель Ойрот уже проявил себя в образе Ленина [5, с. 4]. Репортер Зинаида Рихтер в 1920-е гг. также отмечала, что «ойротские мистики» связывали образ Ойрота с образом Ленина и рассматривали представителей советской власти как его пророков [21, с. 157].

Тем не менее такие алтайские коммунисты, как Меджит-Иванов, Чогат-Строев и Конзычаков по-прежнему представляли себе новую автономию в более широких границах, которые должны были соответствовать историческому ойротскому государству – Джунгарии. Как и каракорумские идеологи, алтайские коммунисты рассматривали ОАО как временное административное образование на пути к более крупной республике, в которую, как они надеялись, войдут хакасы, шорцы и даже тувинцы, которые тогда еще не входили в состав советского государства. Более того, Меджит-Иванов, который провел много лет в Монголии, полагал, что в ближайшем будущем западные монголы тоже должны стать частью великой социалистической Ойротской республики. В меморандуме Сибирскому революционному комитету он, по существу, повторил тезис областника Анучина, настаивая на том, что алтайцы, тувинцы, хакасы и западные монголы – это все один «ойротский народ» [10, л. 7].

Однако, в отличие от каракорумских лидеров, алтайские коммунисты представляли себе будущее государство всех «ойротских» народов не как чисто национальное образование, а как национально-социалистическую советскую республику, которая должна была стать магнитом для всех угнетенных народов внутренней Азии, которые, по их мнению, все были «ойротами» по своей культуре. Приписывая западным монголам сильное стремление к объединению со своими северными «соплеменниками» из Алтая, Меджит-Иванов утверждал, что вновь образованная ОАО в конечном счете должна стать объединяющей силой для всех людей «ойротского происхождения» [10, л. 8 об. – 9]. Пытаясь легитимировать свою утопическую конструкцию в глазах высшего партийного руководства, Меджит-Иванов настаивал на том, что его грандиозный план пользовался широкой поддержкой среди лидеров коренного населения и низов автономной области, которые якобы хотели, чтобы все «ойротские народы» стали частью российской советской социалистической федерации [10, л. 9].

Однако советское руководство с большой опаской относилось к созданию крупных наднациональных государств, в которых участвовали бы люди одной религии, одной языковой семьи или принадлежавшие в прошлом

к какому-то историческому образованию. Здесь необходимо напомнить, что, в отличие от монголов, алтайцы, тувинцы и хакасы, которые в прошлом номинально входили в Джунгарское («ойротское») царство, являются тюркоязычными народностями.

В конце концов, Москва отвергла предложение алтайских коммунистов. Как выражение этой запретительной тенденции в отношении наднациональной утопической конструкции, продвигаемой руководством ОАО, в 1926 г. Центральное статистическое бюро запретило использовать этноним «ойрот» при проведении переписи и других обследований [24, с. 95]. Более того, в 1924 г. Меджит-Иванов потерял пост главы администрации ОАО, который занимал всего два года. Его отправили сначала в Туву, а затем в Монголию на должность советского консула. Позднее, в 30-е гг., он, как и многие другие видные коммунисты советских автономий и республик, пал жертвой «Большого террора». Наконец, в 1948 г. ОАО была переименована в Горно-Алтайскую автономную область, что было завершающим актом политической символики. В результате такой лингвистической процедуры были отсечены связи существующей социалистической автономии алтайцев с «ойротской» утопией, сорок лет будоражившей умы коренной алтайской интеллигенции и проповедников «Белой веры» из числа кочевых масс.

Выводы

В первые два десятилетия прошлого века представители алтайской интеллигенции, группировавшиеся вокруг проекта Каракорум-алтайской управы, а затем и алтайские коммунисты Горного Алтая прямо или косвенно вдохновлялись, с одной стороны, идеями сибирских областников, с другой – *ойротским наследием* Белой веры, спонтанно развившейся снизу. На этой основе большевики из числа местной коренной интеллигенции попытались выдвинуть проект наднациональной социалистической Ойротской республики, которая должна была частично соответствовать границам исторической Джунгарии.

Советское руководство выступило категорически против этого проекта. Создавая советское многонациональное государство, большевики, с одной стороны, были готовы идти достаточно далеко, предоставляя этническим меньшинствам возможность создать свою автономию, что в перспективе, по их мнению, должно было способствовать переформатированию этнических меньшинств в единую советскую нацию. С другой стороны, большевики боялись создания крупных наднациональных образований, стараясь раздробить население на многочисленные этнические группы в пределах административных автономий, что рассматривалось ими как необходимое условие развития содружества социалистических наций.

В Горном Алтае не только не было мощного движения, поддерживающего утопический проект наднациональной «Ойротии», но и субъекта, способного его реализовать. Позиция большевистского руководства страны, а также настроения самого коренного населения Горного Алтая обнулили грандиозные утопические мечты каракорумских лидеров и алтайских коммунистов.

Знаменский Андрей Андреевич – Ph.D., профессор исторического факультета университета Мемфиса, США.

Andrey A. Znamensky – Ph.D., Professor, Faculty of History, The University of Memphis, USA.

aznamenski@gmail.com

Тюхтенева Светлана Петровна – кандидат исторических наук, независимый исследователь, Россия.

Svetlana P. Tukhteneva – Ph.D. in History, independent researcher, Russia.

nalanda2019@yandex.ru

Список литературы

1. Батьянова И.Л., Рюмина Л.Т. Георгий Маркелович Токмашов: просветитель и фольклорист // Репрессированные этнографы. М: Институт этнологии и антропологии, 2003. С. 105–127.
2. Головинов А.В. Идеология сибирского областничества: социокультурные ценности и политические смыслы. Барнаул: изд-во Алтайского университета, 2011. 92 с.
3. Гуркин Г.Н. Письмо к Довтян, 5 июля 1924 // Архив новейшей истории республики Алтай. Р-37. Оп. 1. Д. 579. Т. 14. Л. 14–14 об.
4. Данилин А.Г. Бурханнизм среди телеутов // Архив Музея антропологии и этнографии. 1928. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15.
5. Данилин А.Г. Бурханнизм: из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае. Горно-Алтайск: Ак-чечек, 1993. 204 с.
6. Знаменский А. «Белая вера» в Горном Алтае: тибетский буддизм, Монголия и Ойротское пророчество (1880–1920-е гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 1 (38). С. 123–151.
7. Зубашев И.Л. Григорий Николаевич Потанин: воспоминания // Вольная Сибирь. Прага. 1927. № 1. С. 58–65.
8. Конзычаков С. Краткая докладная записка. Ойрат. // Государственный архив Российской Федерации. 1921. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 175.
9. Мамет Л.П. Ойротия: очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. Горно-Алтайск: Ак-чечек, 1994. 184 с.
10. Меджит-Иванов Н. Докладная записка в Сибревком // Государственный архив Республики Алтай. 1922. Ф. 5. Оп. 1. Д. 340.
11. Меджит-Иванов Н. Письмо Алагызову (26 января 1925) // АНИРА. Р-37. Оп. 1. Д. 579. Т. 1.
12. Михайлов Д.А. Сибирское областничество и зарождение алтайского национализма // Этнографическое обозрение. 2015. № 6. С. 68–85.
13. Письма Н.М. Ядринцева к А.Ф. Христофорову // Вольная Сибирь. Прага. 1927. № 2. С. 183–184.

14. Политические репрессии в Горном Алтае // Горный Алтай – историко-архивный путеводитель. URL: <https://visit-altairepublic.ru/o-respublike-altay/istoriya-gornogo-altaia/politicheskie-repressii-v-gornom-altae/> (дата обращения: 05.07.2022).
15. Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М.: Географическое отделение Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1899. 893 с.
16. Потанин, Г.Н. Сага о Соломоне: восточные материалы к вопросу о происхождении саги. Томск: Сиб. т-во печ. дела, 1912. 186 с.
17. Потанин Г.Н. Происхождение Христа // Сибирские огни. 1926. № 4. С. 125–131.
18. Потанин Г.Н. Ерке. Культ сына неба в Северной Азии: материалы к турко-монгольской мифологии. Томск: Издание А.М. Григорьевой, 1916. 129 с.
19. Прибытков Г.И. Чорос-Гуркин. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2000. 188 с.
20. Протокол допроса Г. Токмашева // Центр хранения архивного фонда Алтайского края, 1934. Р-2. Д. 18110. Т. 1.
21. Рихтер З. В стране голубых озер: очерки Алтая. М.; Ленинград: Молодая гвардия, 1930. 157 с.
22. Состав Алтайской горной думы // ЦХАФ АК. 1917. Ф. 239. Оп. 1. Д. 37а.
23. Список представителей и служащих Каракорум-Алтайской окружной управы // ЦХАФ АК. 1918. Ф. 239. Оп. 1. Д. 37.
24. Сухотин А.М. К проблеме национально-лингвистического районирования в южной Сибири // Культура и письменность Востока. Кн. 7–8. М.: Всесоюзный Центральный комитет нового алфавита, 1931. С. 93–108.
25. Чевалков М. Записки вольнонаемного псаломщика Чибитской церкви // ЦХАФ АК. 1913. Ф. 164. Оп. 1. Д. 150.
26. Чедурова Е.М. Г.И. Чорос-Гуркин и Алтайская Горная дума // Г.И. Чорос-Гуркин и современность. Горно-Алтайск: БНУ РА Научно-исследовательский институт алтаистики, 2020. С. 9–12.
27. Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. 290 с.
28. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск: Сова, 2008. 270 с.
29. Ядринцев Н.М. Сибирская Швейцария (из путевых заметок об Алтае) // Русское богатство. 1880. № 8. С. 47–66.
30. Znamenski A. The Beauty of the Primitive: Native Shamanism in Siberian Regionalist Imagination, 1860s–1920. Shaman. 2002. No. 12 (1–2). Pp. 146–160.
31. Znamenski A. Power of Myth: Popular Ethnonationalism and Nationality Building in Mountain Altai, 1904–1922. Acta Slavica Iaponica, 2005. No. 22. Pp. 25–52. URL: <https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/handle/2115/39440> (access date: 20.02.2022).
32. Znamenski A. Power for the Powerless: Oiroṭ/Amursana Prophecy in Altai and Western Mongolia, 1890s–1920s. Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines. 2014. No. 45. Pp. 1–14. URL: <http://emscat.revues.org/2444> (access date: 20.02.2022).

References

1. Batianova I.L., Ryumina L.T. Georgiy Markelovich Tokmashov: prosvetitel i folklorist // Reprressirovannyye etnografy. M: Institut etnologii i antropologii. 2003. S. 105–127.
2. Golovinov A.V. Ideologiya sibirskogo oblastnichestva: sotsiokulturnyye tsennosti i politicheskiye smysly. Barnaul: izd-vo Altayskogo universiteta. 2011. 92 s.
3. Gurkin G.N. Pismo k Dovtyan. 5 iyulya 1924 // Arkhiv noveyshey istorii respubliky Altay. R-37. Op. 1. D. 579. T. 14. L. 14–14 ob.

4. Danilin A.G. Burkhanizm sredi teleutov // Arkhiv Muzeya antropologii i etnografii. 1928. F. 15. Op. 1. D. 15.
5. Danilin A.G. Burkhanizm: iz istorii natsionalno-osvoboditelnogo dvizheniya v Gornom Altaye. Gorno-Altaysk: Ak-chechek. 1993. 204 s.
6. Znamenskiy A. «Belaya vera» v Gornom Altaye: tibetskiy buddizm. Mongoliya i Oyrotskoye prorochestvo (1880–1920-e gg.) // Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom. 2020. № 1 (38). S. 123–151.
7. Zubashev I.L. Grigoriy Nikolayevich Potanin: vospominaniya // Volnaya Sibir. Praga. 1927. № 1. S. 58–65.
8. Konznychakov S. Kratkaya dokladnaya zapiska. Oyrat // Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. 1921. F. 1318. Op. 1. D. 175.
9. Mamet L.P. Oyrotiya: ocherk natsionalno-osvoboditelnogo dvizheniya i grazhdanskoj vojny na Gornom Altaye. Gorno-Altaysk: Ak-chechek. 1994. 184 s.
10. Medzhit-Ivanov N. Dokladnaya zapiska v Sibrevkom // Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Altay. 1922. F. 5. Op. 1. D. 340.
11. Medzhit-Ivanov N. Pismo Alagyzovu (26 yanvarya 1925) // ANIRA. R-37. Op. 1. D. 579. T. 1.
12. Mikhaylov D.A. Sibirskoye oblastnichestvo i zarozhdeniye altayskogo natsionalizma // Etnograficheskoye obozreniye. 2015. № 6. S. 68–85.
13. Pisma N.M. Yadrintseva k A.F. Khristoforovu // Volnaya Sibir. Praga. 1927. № 2. S. 183–184.
14. Politicheskiye repressii v Gornom Altaye // Gornyy Altay – istoriko-arkhivnyy putevoditel. URL: <https://visit-altairepublic.ru/o-respublike-altay/istoriya-gornogo-altaya/politicheskie-repressii-v-gornom-altay/> (access date: 05.07.2022).
15. Potanin G.N. Vostochnyye motivy v srednevekovom evropeyskom epose. M.: Geograficheskoye otdeleniye Imperatorskogo obshchestva lyubiteley estestvoznaniya. antropologii i etnografii. 1899. 893 s.
16. Potanin. G.N. Saga o Solomone: vostochnyye materialy k voprosu o proiskhozhdenii sagi. Tomsk: Sib. t-vo pech. dela. 1912. 186 s.
17. Potanin G.N. Proiskhozhdeniye Khrista // Sibirskiy ogni. 1926. № 4. S. 125–131.
18. Potanin G.N. Erke. Kult syna neba v Severnoy Azii: materialy k turko-mongolskoy mifologii. Tomsk: Izdaniye A.M. Grigoryevoy. 1916. 129 s.
19. Pribytkov G.I. Choros-Gurkin. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya tipografiya. 2000. 188 s.
20. Protokol doprosa G. Tokmasheva // Tsentr khraneniya arkhivnogo fonda Altayskogo kraja. 1934. R-2. D. 18110. T. 1.
21. Rikhter Z. V strane golubykh ozer: ocherki Altaya. Moskva-Lenigrad: Molodaya gvardiya. 1930. 157 s.
22. Sostav Altayskoy gornoy dumy // TsKhAF AK. 1917. F. 239. Op. 1. D. 37a.
23. Spisok predstaviteley i sluzhashchikh Karakorum-Altayskoy okruzhnoy upravly // TsKhAF AK. 1918. F. 239. Op. 1. D. 37.
24. Sukhotin A.M. K probleme natsionalno-lingvisticheskogo rayonirovaniya v yuzhnoy Sibiri // Kultura i pismennost Vostoka. Kn. 7–8. M.: Vsesoyuznyy Tsentralnyy komitet novogo alfavita. 1931. S. 93–108.
25. Chevalkov M. Zapiski volnonayemnogo psalomshchika Chibitskoy tserkvi // TsKhAF AK. 1913. F. 164. Op. 1. D. 150.
26. Chedurova E.M. G.I. Choros-Gurkin i Altayskaya Gornaya дума // G.I. Choros-Gurkin i sovremennost. Gorno-Altaysk: BNU RA Nauchno-issledovatel'skiy institut altaistiki. 2020. S. 9–12.
27. Sherstova L.I. Burkhanizm: istoki etnosa i religii. Tomsk: Izd-vo TGU. 2010. 290 s.
28. Shilovskiy M.V. Sibirskoye oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v. Novosibirsk: Sova, 2008. 270 s.

-
29. Yadrintsev N.M. Sibirskaya Shveysariya (iz putevykh zametok ob Altaye) // Russkoye bogatstvo. 1880. № 8. S. 47–66.
 30. Znamenski A. The Beauty of the Primitive: Native Shamanism in Siberian Regionalist Imagination. 1860s–1920. Shaman. 2002. No. 12 (1–2). Pp. 146–160.
 31. Znamenski A. Power of Myth: Popular Ethnonationalism and Nationality Building in Mountain Altai. 1904–1922. Acta Slavica Iaponica. 2005. No. 22. Pp. 25–52. URL: <https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/handle/2115/39440> (access date: 20.02.2022).
 32. Znamenski A. Power for the Powerless: Oïrot/Amursana Prophecy in Altai and Western Mongolia. 1890s–1920s. Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines. 2014. No. 45. Pp. 1–14. URL: <http://emscat.revues.org/2444> (access date: 20.02.2022).